Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского

Виноградский В.Г. «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — 320 с. ISBN 978-5-7749-1294-0.

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-174-182

В тютчевском стихотворении «Silentium!» содержится не только пронзительный взгляд на вещи, согласно которому мысль изреченная есть ложь, но и гениально-простое обоснование этой, в общем-то, отнюдь не очевидной истины. Этим хорошо пользоваться, скажем, на семинарах по истории. Предлагаешь студенту более или менее связно изречь некую мысль, которая в школьном учебнике была дана априори и в которую привычно верилось, показываешь, что с этим не так, и процесс пошел: механизмы самостоятельного творческого мышления запущены. Студенты легко увлекаются этой игрой, азартно ловят друг дружку на логических нестыковках и ложных посылах. И в помощь им в этом нужном деле «великий и могучий, правдивый и свободный русский язык». Кстати сказать, в каждой группе найдутся четыре-пять человек, которые станут наперебой энергично читать наизусть эти поэтические строки И.С. Тургенева — видимо, не так уж все и плохо у нас со школьным образованием. Предпринимая далее попытку изложить на бумаге (изречь) хоть малую толику сильных и противоречивых эмоций, которые возникали у меня при чтении книги «Голоса снизу», я попробую руководствоваться этим золотым правилом: заведомое сомнение в любом оценочном суждении.

В.Г. Виноградский изучает сельскую повседневность в прошлом и настоящем, привлекая коренных деревенских жителей к откровенному разговору об их прошедшей и нынешней жизни; он полагает, что его собеседники при этом практически никогда не лгут; и в том и в другом он совершенно прав. Анализируя услышанное и записанное и стремясь поделиться результатами этого своего анализа с другими аналитиками-гуманитариями, равно как и со своими сельскими собеседниками, он неимоверно часто использует

слово «дискурс» и производные от него прилагательные и наречия, и напрасно он так поступает. Такие вот монбланы лжи. А ведь я и составил-то всего два предложения, хоть и сложных, однако совсем не длинных. Попробуем разобраться.

То, что делает в науке Валерий Георгиевич Виноградский, вызывает у меня восхищение и белую зависть. Увидев, что его новая монография о сельской глубинке называется «Голоса снизу», я слегка забеспокоился: неужто это академический снобизм, столь характерный для прогрессизма-модернизма и столь невероятный для научного творчества Виноградского? Прочитав всего лишь 25 страниц, с облегчением вздохнул: не просто не снобизм, а все с точностью до наоборот. Читатель найдет здесь добросовестную и глубокую критику того, что до сих пор делалось в аграрной социологии при работе с таким источником, как бесхитростные деревенские жизненные повествования. Разумеется, это в первую очередь самокритика, поскольку Виноградский — один из лидеров этого направления исследований. Готовность открыто признавать свои собственные недочеты и заблуждения не так часто встречается среди обществоведов, но это — безусловное качество лидера. В данном случае автор признает, что многие из опубликованных комментариев к таким крестьянским текстам грешат легковесностью и наукообразием. Вероятно, это оттого, что интервьюер стремится услышать в откровениях своего сельского собеседника какие-то совпадения со своим базовым социологическим знанием о крестьянстве, деревне, колхозе и т.д. «Подобная интерпретационная манера, — пишет автор, — удерживает тебя на поверхности, не давая спуститься к подводным течениям текста. Что же делать? ...Нельзя безнаказанно запрягать живое движение разворачивающегося текста в аналитико-интерпретационные хомуты, оглобли и постромки. Крестьянский “голос снизу” мощно вырывается из любого научного плена. Летит, сверкает и грохочет, поглядывая на автора сверху вниз» (с. 24, 25).

В книге о голосах снизу проделана добрая часть пути в поисках ответа на это отчаянное «*что же делать?*». Правильное начало пути как раз и заключается в острой постановке вопроса, где «верх» и где «низ». На протяжении двух последних истекших столетий в общественной науке (которая и сама оформлялась как таковая в то же самое время) сложилось устойчивое представление, что существуют некие объективные законы общественного бытия, которые даны «верхам» в виде университетского, академического знания. Эти последние могут и должны применять такое знание для того, чтобы осчастливить «низы», сделав социальную эволюцию максимально органичной. Крах идеологии научного коммунизма в нашей стране на рубеже 1980–1990-х годов мало что изменил в этом плане в российской действительности. Свято место, как говорится, пусто не бывает. Пришли «научные антикоммунисты» (часто из вчерашних правоверных коммунистов и комсомоль-

цев) и понесли «низам» новую наукообразную ахинею, искренне считая себя «верхами» и предпочитая в самоназвании использовать слово «элита».

В великой русской художественной литературе второй половины XIX века создано множество образов людей, бескорыстно и самозабвенно вставших на поприще служения народу. В данном контексте уместно вспомнить об одном из героев романа Н.Н. Златовратского «Устои» с говорящей фамилией Пугаев. Это талантливый ученый-обществовед, свято веривший в светлое будущее русского народа, умевший заразить своей верой студенческую молодежь, убедить юных мыслителей в теоретической состоятельности своих историософских воззрений. Однако Пугаева очень пугала сама перспектива когда-нибудь лицом к лицу столкнуться с этим самым народом. Было опасение, что реальные обитатели русской деревни могут в чем-то не совпасть с теоретическим народом и тем самым поставить под удар, а то и полностью разрушить такую стройную и логичную «научную» конструкцию. Опасение подкреплялось той историей, когда в орбиту его просветительской деятельности был втянут молодой крестьянин, один из основных персонажей произведения, весьма разочаровавший романтического наставника, а главное, сам разочарованный, даже разозленный этими филантропическими играми образованного сословия. А когда одна из участниц пугаевского кружка дворянская девушка Лиза по окончании гимназии сознательно отправляется на должность земской учительницы, она в переписке с Пугаевым по возможности деликатно подтверждает его худшие опасения относительно той самой науки о народе[1].

Этот литературный пример я привожу здесь с двойным умыслом. Во-первых, со страниц произведений таких великих крестьяноведов прошлого, как Н.Н. Златовратский, А.Н. Энгельгардт, Г.И. Успенский, нам, сегодняшним, давно уже идет четкий сигнал: между реальной жизнью деревни и народолюбивыми сочинениями социальных философов о жестокой эксплуатации — пропасть. И глубина пропасти не зависит от того, кто в этих теориях выступает в качестве эксплуататора крестьянства — помещики и капиталисты или большевики и коммунисты. Во-вторых, даже для таких предельно приближенных к сельской реальности крестьяноведов настоящего, как участники организованных Т. Шаниным проектов полевого исследования российской деревенской глубинки, постоянное сомнение в адекватности своих представлений о сельской повседневности — вещь спасительная. С тех пор как «1 ноября 1990 года 14 российских социологов, разделившись попарно, разъехались в семь глубинных сельских регионов», минуло много лет постоянного научного поиска, и «каждый из полевых социологов отыскал

1. *Златовратский Н.Н.* (1951). Устои. История одной деревни. М.: Гослитиздат. С. 485–528.

собственный аналитический маршрут — накопленный материал позволяет двигаться во многих дисциплинарных направлениях» (с. 13, 15). Да, крестьяноведение междисциплинарно, оно не укладывается в рамки уже устоявшихся гуманитарных и общественных наук, представители которых отгораживаются друг от друга, кроме прочего, еще и своими собственными «дискурсами». Как мне представляется, *крестьяноведение Виноградского*, развиваясь, все более сближается с тем, чем занимаются психологи и лингвисты.

И мотором развития теории крестьянства в этом направлении служит, как и положено, не оставляющее ее автора спасительное сомнение. К примеру, достаточно ли корректно были подготовлены к обобщающей академической публикации в 1996 году результаты первой большой полевой экспедиции[2]? Автор «Голосов снизу» дает отрицательный ответ: «Как мы теперь понимаем, в ходе подготовки семейных историй к публикации была допущена некая досадная композиционно-семантическая неточность. Совершен некий редакторский произвол... В результате воздух жизненной сцены незаметно улетучился. Натуральные голоса крестьян, превращенные в “литературу”, заметно поблекли и приглушились. Потеряли аромат подлинности» (с. 16, 17). Это обстоятельство было отмечено профессиональным филологом в опубликованной в 2006 году статье о диалектных словарях как лингвокультурологическом источнике: «С точки зрения интересов социологии материалы сохранили релевантность, но как источник для лингвистических исследований подобные тексты несостоятельны». В.Г. Виноградский принимает этот упрек как понятный и справедливый, но он отвергает ту фору, что дает социологу коллега-филолог: мол, что для социологии сойдет, у нас, лингвистов, не проходит (с. 18). И тут мне вспоминается замечательная книга М.А. Кронгауза о русском языке, где лингвистика обозначена как самая гуманитарная из точных наук и самая точная из гуманитарных[3]. Ведь этим своим: «Видимо, не только для лингвистических исследований» автор «Голосов снизу» задирает для себя планку *своего* крестьяноведения именно на эту высоту, на высоту правды слова.

В книге «Орудия слабых»[4] он подходит к решению задачи публикации транскриптов своих бесед с коренными жителями села существенно иначе по сравнению не только с «Голосами крестьян», но и со своей собственной большой статьей в журнале «Мир Рос-

2. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. (1996). М.: Аспект Пресс.
3. *Кронгауз М.* (2009). Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак. С. 63–64.
4. *Виноградский В.Г.* (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ.

сии» того же 1996 года[5]. Он стремится качественно снизить интерпретационный диктат и редакторский произвол, позволить информантам высказываться развернуто и свободно. Но чем полнее живое повествование, тем сложнее задача истолкования, интерпретации. Поэтому при работе над книгой, по свидетельству Виноградского, «все же ощущение какой-то несопоставимости, неслиянности, разделенности двух миров — непосредственно-жизненного и научно-аналитического — никак не выветривалось из сознания» (с. 24-25). Вроде бы «автор как субъект дискурса науки должен однозначно и непротиворечиво зафиксировать собственные выводы и оценки. Должен волей-неволей обобщить и укротить бытие. Но этому упрямо и систематически противится льющийся сплошным потоком, выговариваемый конкретным человеком живой рассказ» (с. 26). Вот где Виноградский вплотную сталкивается с главным диалектическим противоречием этого *своего* направления науки о крестьянах. Спрашивается, нужно ли публиковать экспедиционные архивы, если эти незатейливые крестьянские повествования — как гвозди в крышку гроба «дискурса науки»?

Разрешение таких противоречий, как известно, содержит момент развития. Таковым в данном случае стала книга «Крестьянские координаты»[6]. Это не только решительное «да» на вопрос о необходимости публикации «живых рассказов» сельских ветеранов начала 1990-х годов, но и образец того, как это следует делать. Чтобы коротко и внятно пояснить, почему мне это представляется образцом, не удержусь от такого сравнения. Приличного студента-историка не нужно долго убеждать в том, что во время археологической практики нельзя воровать из раскопа никакие находки. Но студент-двоечник нет-нет да и умыкнет что-нибудь «на память», не понимая, что для науки приватизированный им беспаспортный артефакт навсегда потерян. Паспорт находки — это четкая привязка ее к географии и культурному слою: где, когда и в одном слое с какими другими вещами откопали ее, прежде чем передать в руки профессиональных реставраторов. Если уподобить любой кусок крестьянского жизненного повествования, зафиксированного профессионалом, археологическому экспонату, то автор «Крестьянских координат» выступает не только в роли дотошного составителя паспорта своих находок, но и в качестве хорошего реставратора. Две жизненные повести, которые содержит монография, предваряет историко-географическое описание малой родины их главных героинь. Затем следует очень тонкий словесный портрет каждой из этих пожилых крестьянок, созданный «как итог многодневных и душевно открытых встреч с человеком, кото-

5. *Виноградский В.Г.* (1996). Российский крестьянский двор: эволюция повседневного существования // Мир России. № 3. С. 3–76.
6. *Виноградский В.Г.* (2011). Крестьянские координаты. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ.

рый отважился оглядеть собственную жизнь с ее уже поистине финального рубежа» (с. 28). Наконец, сам транскрипт бесед сделан настолько качественно, что позволяет читателю живо представить речевые ситуации, побудившие собеседницу автора к пространному монологу-воспоминанию. Все это дает Виноградскому полное право утверждать: «Адекватная форма для презентации “голосов снизу” найдена. Создан и организован достаточно надежный текстовый источник — для социологов, культурологов, историков, лингвистов. Но и этого — мало» (с. 29).

Что значит мало? А то и значит, что представителей всех этих славных отраслей гуманитарного знания нужно еще и подтолкнуть к использованию этого довольно-таки непривычного для их наук источника. Причем к использованию не только заинтересованному, но и грамотному — чтобы, «взрывая, не возмутили ключи». Чтобы как минимум не углядели там то, чего нет, а как максимум — сумели увидеть, что содержит этот источник, какое знание о русской душе. Лучше всего практически показать, как это делается. И В.Г. Виноградский, для которого важной частью души стали все его деревенские собеседники, делает это в «Голосах снизу». Все трое героев второй части книги — «Дискурсы “отцов”» — приблизительно сверстники, годы рождения 1911-й, 1914-й и 1916-й. На первый взгляд этим сходство и ограничивается — настолько разными представляются эти люди по темпераменту и по своей «речевой походке» (с. 46, 123, 125), т. е. способу и манере делиться своими жизненными воспоминаниями. Это не говоря уже о том, что у каждого из них за плечами своя жизнь. Однако авторская аналитика выявляет во всех трех повествованиях нечто общее, и настолько важное, что это, по-моему, должно носить методологический характер для любого нашего аграрно-исторического исследования. В них вновь и вновь «всплывает тот самый, таинственный и малопонятный, феномен бытийной терпеливости, смирения и даже некой толстокожести в ответ на суровость жизненных поворотов» (с. 101-102), «крестьянского вытерпливания и нечувствительного смирения перед обстоятельствами бытия», которое совершенно естественным образом соседствует с «размашистым великодушием и безмятежностью» (с. 84, 85).

Окружающий мир в этих рассказах отождествляется с жизненным опытом, «существует как “то, что выпало”. В частности, что выпало на конкретную жизненную долю нашей рассказчицы. И этот мир, по всей видимости, *устраивает* субъекта. Больше того, этот мир устроен так, что не нуждается в переустройстве. В нем все постижимо, все поддается понимающему приятию» (с. 113). Попробуем соединить такое мировоззрение огромной части жителей России, Советского Союза с той картиной мира, что долгое время рисовала нам вульгарно-марксистская историография, а теперь еще более нахраписто рисует либеральная, и мы увидим, что крестьяноведение Виноградского в обоих случаях не ко двору. Оно

ни антикулацкое, ни тем более прокулацкое: «Нет, этот дискурс просто устраивается поодаль, находится в сторонке от прогрессистско-преобразовательного свербежа... Жизнь в нем не производится в ступенях и формациях, планомерно завершаясь и затвердевая в очередных ее этапах, но длится, длится и длится. И это ее движение естественно вмещено в безмятежные (точнее говоря, лишенные педалированной истерики) по настроению дискурсивные форматы натуральных крестьянских миров, подчиненных (особенно в поколении "крестьянских отцов") цикличному движению исхоженной природной округи, маленькой родимой земли» (с. 114). В книге есть еще немало таких вот принципиальных положений, которые невозможно сформулировать в рамках обычного интеллигентного комментирования крестьянских мемуаров. А возможно только, на пределе интеллектуальных и духовных сил вглядевшись, вслушавшись, буквально вжившись в эти специфические источники для историков и социологов, как это делает в «Голосах снизу» В.Г. Виноградский.

Теперь попробую объяснить, что мне категорически не нравится в слове «дискурс», которое используется в авторском тексте настолько часто, что невольно возникает странное ощущение присутствия в книге еще одного героя наряду с деревенскими собеседниками автора. В октябре 1995 года на заседании теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» шло обсуждение монографии «Повстанцы во имя царя»[7], где во главе угла — некоторые важные мировоззренческие особенности российских крестьян первых пореформенных десятилетий. Желая сделать для присутствующих более понятной суть своей исследовательской задачи, американский историк Дэниэл Филд, прекрасный знаток русского языка и русского крестьянства, счел уместным в своем выступлении упомянуть, что многие историки на Западе стали пользоваться термином «дискурс», и пояснил, какие смыслы они в это вкладывают, отметив: «Мне повезло, что этого термина не было в обиходе 20 лет назад»[8]. Мол, если бы тогда широко бытовало представление о том, что существует некий «крестьянский дискурс», это весьма затруднило бы внятное описание столь сложного социально-психологического явления, как «наивный монархизм». И даже такое, казалось бы, ироничное словоупотребление не осталось незамеченным. «На мой взгляд, — сказал тогда участник дискуссии, специалист по истории китайского крестьянства Феликс Борисович Белелюбский, — предпочтительно избегать гнетущих слов типа "парадигма" или "дискурс"»[9]. Как будто предвидел, каких масштабов достигнет через некоторое время вторжение

7. *Field D.* (1976). Rebels in the Name of the Tsar. Boston.
8. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. (2015). М.: Политическая энциклопедия. С. 484.
9. Там же. С. 492.

одного из этих гнетущих слов в русскоязычные обществоведческие тексты. Готовя этот отзыв на книгу, я много всего прочитал в попытке понять, *зачем*. Так и не понял, вернее, отказываюсь понимать. Особенно по прочтении романа В. Пелевина «Empire V», о котором сказано: «Если вкратце — тут утверждается, что в основе мироздания лежат гламур и дискурс, причем и то и другое иллюзия»[10]. Впрочем, все это (по поводу «дискурса») не более чем мысли изреченные, а потому предвижу самую уничтожающую критику по их адресу и могу только приветствовать.

Заключительная часть «Голосов снизу» называется «Дискурсы "детей"», и это отличное решение — собрать под одной книжной обложкой житейские повествования двух разных поколений коренных сельчан. «Отцы» сохранили в памяти коллективизацию, войну, послевоенную жизнь в колхозах. У «детей» лучшие годы жизни пришлись на благополучие «застоя», беспощадное крушение колхозов «младореформаторами», а затем — крушение связанных с этим собственных надежд и иллюзий. Повторюсь, для историка аграрных отношений в нашей стране добросовестная работа с такого рода источниками предполагает существенную корректировку привычных методологических подходов. Однажды, рецензируя монографию о крестьянских жизненных практиках[11], я уже подчеркивал, что при этом взгляд фокусируется на сложной системе взаимоотношений между крестьянским двором и общественным хозяйством, оставляя на периферии обычную трескотню о социализме, капитализме и мелкобуржуазности[12]. Иван Васильевич Цаплин, 1914 года рождения, помнил коллективизацию, которую авторитетный японский историк назвал наиболее политизированной страницей истории СССР — как в России, так и на Западе[13]. Сохранили свои воспоминания об этом и другие герои «Дискурсов "отцов"». Комментарий В.Г. Виноградского, сопровождающий рассказ Ивана Васильевича, выглядит одинаково подходящим ко всем трем этим воспоминаниям: «Никаких особенных ужасов в строе повествования не просматривается. А ведь именно в это время, в начале 1990-х, в российской публицистике (как печатной, так и телевизионной) можно было наблюдать некую эшелонированную трагедийность, развернутые в подробностях драмы крестьянских корчевок [так собеседники Виноградского называли раскулачивание. — *В.Б.*], в конечном счете искалечивших крестьянские миры России. Эта исто-

10. *Кронгауз М.* (2009). Русский язык на грани нервного срыва. С. 171.
11. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.А.* (2013). Крестьянские жизненные практики, 1991–2012. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ.
12. *Бабашкин В.В.* (2015). Морально-аморальная экономика // Российская история. № 4. С. 184-188.
13. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 643.

рическая правда подавалась, как правило, в ее весьма раскаленном, разгневанно-клеймящем облике. И все мы каждодневно наблюдали эти журналистские проклятья сталинскому режиму. Совсем иначе коллективизация выгладит в дискурсе натуральной крестьянской повседневности. Это, надо полагать, вовсе не следствие простительной человеческой забывчивости. Здесь, как мне кажется, неясно просвечивает загадочный феномен социального равнодушия, исторической терпеливости и даже бесчувственности к драматическим поворотам бытия» (с. 82-83).

When the uttered thought is true, or the peasant studies of Valery Vinogradsky

Vinogradsky V.G. “Voices from Below”: Discourses of Rural Everyday Life. Moscow: Publishing House “Delo”; 2017. — 320 p.

Vladimir Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.